

Чудо с лошадьми. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://tsvetaevamarina.ru/> Приятного чтения!

Чудо с лошадьми. Марина Ивановна Цветаева

(Достоверный случай)

Она была красива и глупа, и тем более красива, чем более глупа, а он любил ее и ему нечего было дать ей кроме вакантного комиссарства. И тогда он сделал ее комиссаршей цирков.

И вот красавица Нина стала председательствовать на очередных и внеочередных заседаниях с красивым младенцем на руках. Когда ей приходилось говорить речь, то она вручала его соседу слева (со стороны сердца) – наезднику-венгру, хотя и менее могущественному, чем сосед справа, но зато более молодому. Сосед слева предпочитал и младенец, так как у того не было бороды. Но любил он и всесильного соседа справа за предмет, именуемый “пенсне”, сверкающий и покачивающийся меж доверчивых от близорукости глаз. Младенец щипал за нос комиссара и дергал за красивый чуб венгра, при таких при двух няньках мужского пола у смышленного ребенка было два любимых занятия.

А что в это время делал ее муж? Ведь есть и муж в нашем рассказе. Муж пребывал вне этого действия, на другом конце города, на лужайке перед бывшим особняком бывших графов С<оллогубов>, ныне “Дворцом Искусств”. Он сочинял стихи, вернее пережевывал мысль об их сочинении: вот когда-нибудь у него появится время, вдохновение и т. д., в один прекрасный день, когда “всему этому придет конец”. Но не было “этому” конца... И Нинин муж правильно делал, что пребывал вонне, на другом конце города, потому что у младенца, занятого пенсне и чубом, не было ни лишней руки, ни интереса к его рыжей бороде. А нужно сказать, что у Нининого мужа борода была рыжая, борода, которой он не мешал расти, как Господь не мешает расти траве, но которая выростала быстрее и длиннее травы. И представьте картину: рыжее на зеленом, огонь на изумрудном – борода на траве. Это – муж Нины в мечтах. Он мечтал и потягивал влагу прямо из бутылки – ведь Революция перебила все стаканы, а Реставрации, которая бы всё возместила и залатала, еще не было. Пил он, как младенец пьет молоко, и столь же – даже более – жадно. Казалось огненная борода возбуждала в нем жажду. Затем, когда бутылка опутшалась, Барбаросса[1], как истый сын богатого русского купца, огорчился её пустотой, раскаивался в содеянном и принимался молитвенно шептать. Какие молитвы? Все. Даже за упокой. Если же солнце слишком припекало, он уходил через маленькую дверку в бывшую домашнюю церковь бывших графов С<оллогубов>, превращенную в Музей Культа, директором и единственным посетителем которого он состоял, и там часами возился с иконами и крестами всяческих размеров.

Под вечер Барбаросса сменял травяной ковер и солнцепек на обыкновенный стул и одинокую свечку и, сидя за столом перед бутылкой, которая как только пустела – наполнялась, и как только наполнялась – пустела, рассказывал всем, кто его слушал, одну и ту же историю, единственную в его жизни историю: о похищении им красавицы Нины.

– В Крыму, друг, знаешь, ночи черные и не видать ни капли (“буль-буль” из бутылки). А дороги, ты себе представляешь, все идут вниз... (жидкость в бутылке тоже неуклонно шла вниз)... конечно, есть которые и вверх, то они ведут на макушку горы, ужасающую скалу, с орлом на вершине, что выклеывает глаза. Значит, непременно надо было выбирать те, что ведут вниз, ежели решили попасть в, ... и не помню теперь, куда. В общем туда, откуда можно уехать, коли я ее похищал. Тут я догадался: те, что идут вниз – смекаешь? – ведут к морю, а те, что вверх – понимаешь? – в горы. А ежели мы решили сесть на пароход, то непременно надо было к воде... Но шофер был страшно пьян... Страшно... пьян. А машина неслась... С Ниной внутри... И Нина уносилась, ради меня бросив отца с матерью... (Умиление, долгое “буль-буль”.) Так вот, машина уносилась с Ниной, которая уносилась, внутри... И ты себе не представляешь, как неслась машина! А ночь черным-черна, а дорога убегает, и колеса не поспевают, и шофер пьян, пьян, как черная ночь!

Чем быстрее неслась машина его рассказа, тем медленнее становился рассказчик, чем быстрее становилась история – тем больше историк ее сокращал.

– Представляешь... с Ниной внутри... А машинист пьяный... Ночь ... черная... Везде рытвины – как будто нарыты... Неслась... Неслась... И машина во весь о-... пор.

Чудо с лошадьми. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Так с открытым для последнего слога ртом рассказчик засыпал.)

В это время Нина, парадная и нарядная, положив одну руку с растопыренными от колец пальцами на руку всесильного человека, бросала другой через красный край ложи красный цветок наезднику-венгру, вновь покрывшему себя славой, цветами, улыбками и путем.

А смысленный младенец лежал в глубине ложи и спал.

* * *

Каждое утро мы, малые сии, занесенные в бывший вельможный квартал, с восторгом следили за Ниной, подобно восходящему солнцу проплывавшей между рядами столетних лип в желтом кабриолете, влекомом двумя желтыми лошадками.

Кабриолет был о двух огромных колесах, которые вращались, точно солнца. Поэт сказал бы: – Колесница Авроры.

Мы же говорили: – Смотрите, комиссарша цирков. Или: – Смотрите, жена Барбароссы... И все, поэты и непоэты, высказывали глубокую мысль: – Везет же человеку: в такие времена иметь одной – десять ног...

Не завидуя, ибо мы, скифы – или сарматы – или славяне (невольники, татары, варвары) – словом, русские, не завистливы, мы утешались тем, что красота проплывает хотя и мимо, но рядом с нами.

(Да и что бы я, вызвавшая это видение, делала на моем доподлинном чердаке поэта с двумя желтыми лошадьми, двумя, тоже желтыми, колесами, мужем в рыжей бороде, комиссаром в “пенсне”, рыжим наездником-венгром и неизвестно чьим младенцем? Нет уж, пусть всё остается на своем месте, а мы – на своем!)

Итак, каждым утром Поварская превращалась в языческие небеса, а Нина – в Аврору.

Но на той же улице, в милой, большой, круглой и очень старой белой церкви, посвященной братьям и князьям-мученикам Борису и Глебу, непременно, каждое утро старый упрямый священник совершал богослужение.

И так же каждое утро красноармейцы прямо перед этой же белой церковью давали ответ на богослужение – строевым топотом и оркестром.

Воскресное утро солнечного мая. Вся голодная Москва высыпала на улицу, чтобы вкусить запах лип, испить синевы и, в особенности, вдохнуть музыки, той полковой музыки, которая непременно действует умиротворяюще, как и вид красивой лошади или двух красивых лошадей, особенно желтой масти, особенно управляемых – если не мастерской рукой их содержателя, то, во всяком случае, – рукой содержанки.

Но что это сегодня с нашими двумя желтыми лошадками? Уж не воспылали ли они от бороды Барбароссы? Или липовый дух закружил им головы? Вместо того чтобы остановиться у Дворца Искусств, рядом с автомобилем, ожидающим всесильного человека, который занят утренним визитом, они вырываются на Кудринскую площадь и все резвее и резвее бегут по кругу, по кругу, оббегая площадь, и не слушаются уже ни истошного крика, ни вожжей в уже слабеющих руках Нины.

Кружитесь, кружитесь деревянные лошадки! Но лошадки не деревянные должны бежать прямо. А эти – взбесились они, что ли? – кружатся с занесенной на сторону шеей, метут рыжей гривой по старым бульжникам старой площади, не щадя ни кабриолета, ни наездницы, что стоит на одеревенелых ногах, с судорожно вытянутыми руками и разметающейся, пуще лошадиных, гривой.

Быть беде! Быть комиссаршей цирков, бросать цветы наезднику-венгру, пестовать младенца, может быть, тоже венгра – все это еще не значит быть венгеркой или хотя бы наездницей.

Поэт из Дворца Искусств восклицает: “Адская скачка!” Художник из того же “Дворца” произносит имя – фаэтон. Народ, который, как всегда и всюду, бездействует, выводит своё: “Накрылась, Нина!” Всесильный человек демонстрирует свое бессилие... Наездник-венгр – свое отсутствие... И вдруг на выдохе – крик: “Барбаросса!”

Чудо с лошадьми. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Он, Барбаросса, рыжебородый, воистину воскресший из своей травяной усыпальницы, Барбаросса во плоти и в бороде выскакивает нечеловеческим прыжком с огромным серебряным крестом в руках, который он возносит прямо перед лошадиными мордами и потрясает перед ними, круто остановившимися. Да, они, лошади, круто останавливаются, но это еще не все: они опускаются на колени. Обе, причем грациозно, по-человечески. И это еще не все: они кланяются. Кланяются благородно, по-человечески, а в это время комиссар и Барбаросса принимают в свои объединенные, вернее разведенные, руки Аврору, струящуюся слезами и уже искрящуюся улыбкой.

А у народа – у нас, у тех, кто без-завистны, тех, кто без-ироничны, у народа лишь вырывается: “Чудо! Разве можно говорить, что Бога нет, раз даже лошади в него веруют?”

Увлеченная и сама гонком событий, вернее событием гона, я не сразу заметила, что окончание бега лошадей совпало с окончанием музыки – торжественного и ежедневного марша тех былых, еще близких им времен, когда они были простыми цирковыми лошадьми и им не надо было тащить кабриолет с восседающей комиссаршей.

Но если в прежние времена их поклоны предназначались публике, то не могли ли нынешние поклоны – ввиду чрезвычайности обстоятельств – предназначаться Богу?

И так как лошади все еще кланялись – мы заплодировали.

<1934>

Примечания

1 Рыжебородый (ит.).

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://tsvetaevamarina.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!